

*Светлана Михайловна Козлова,
профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического
факультета ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет»*

Сибирский характер в рассказах В. Я. Шишкова и В. М. Шукшина

Проблема литературных связей творчества В. Шукшина с прозой В. Шишкова имеет основание в топографическом аспекте (жизнь писателей в Сибири, главная в их творчестве сибирская тема) и даже в ономастическом – в созвучии имен, фамилий. Правда, в решении этой проблемы могли бы иметь существенное значение фактические или документальные свидетельства интереса Шукшина к творчеству писателя, посвятившего такие значительные произведения как "Ватага", "По Чуйскому тракту", "Чуйские были", "Алые сугробы" не просто Сибири, но воспетому Шукшиным Алтайскому краю. Кстати, в шишковской "Ватаге", с которой целыми страницами перекликаются шукшинские "Любавины", упоминаются Сростки: один из "ватажников" Зыкова – Курица – "родом из Сросток".¹

Но и без таких свидетельств первое сравнительное чтение открывает множество прямых и менее очевидных параллелей в прозе писателей, описание которых само по себе могло бы составить предмет большого исследования.

Концептуальная база "сибирской прозы" В. Я. Шишкова формировалась под сильным влиянием старших сибирских писателей – областников-"сепаратистов" Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, Н. И. Наумова и др., – усматривавших в жителях Сибири особую "сибирскую" нацию и прямо ставивших вопрос: сибиряк – тот же ли русский?

Литературные типы в прозе Шишкова и Шукшина показывают, что разделяющее писателей время советской интернационализации народов России не сняло этого вопроса. Шукшин вслед за Шишковым настойчиво отмечает особую породу русских людей, которая составила так называемый тип "сибиряка": "обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льяным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город"². Корни шишковских и шукшинских сибиряков – исконно русские, их родословные начинаются в землях Центральной Европейской России, но это те и такие русские, которые способны вырвать с кровью вековые корни, пуститься в неведомые края.

Герой рассказа В. Шишкова "Таежный волк" Бакланов ушел в Сибирь в самую зрелую, сознательную и семейную пору своей жизни. Беглым монахом жил на Кавказе, "с горцами в дружбу вошел, охотой промышлял с ними. На 26-м году женился, а как стукнуло 26, сказал жене: "Пойдем в Сибирь-землю... И перебрались мы сюда к великой Енисей-реке. Вот и все житье мое"³. "А как, значит, повез нас отец сюда," – вторит шукшинский герой рассказа "Демагоги," – "...шибко уж неохота было из дому уезжать. Там у нас тоже речка была, она

мне потом все снилась... Ока... А потом - ничего. Привык. Тут, конечно, лучше. Тут же земля-то какая! Не сравнить с той. Тут земля жирная". Или рассказ другого героя Шукшина из романа "Я пришел дать вам волю" о деревне на реке Шукша, которая "Вся в Сибирь ушла".⁴

В то же время искательство, мечтательность, уединенность, потерянности в бесконечных сибирских просторах роднят "тайжан" Шишкова и "чудиков" Шукшина с бродягами, странниками, поэтами. Как всякий зверолов, как всякий бродяга или странник, Бакланов – поэт в душе, так же как «бесконвойные» герои Шукшина Алеша, Митька Ермаков, Мона Квасов и др. – в душе мечтатели, поэты, философы.

Рассказ В. Я. Шишкова "Ванька Хлюст", уже тип названия которого предопределяет будущую «манеру» шукшинской номинации (Ср.: "Гринька Малюгин", "Ванька Тепляшин", "Митька Ермаков", "Степкина любовь" и др.), представляется квинтэссенцией образов, мотивов, ситуаций целого веера шукшинских рассказов, так или иначе раскрывающих суть характера "сибиряка".

Шишковская персонажная пара "дед - внук" (дед веселый, внук любознательный, ночью у реки, у костра ведут разговор о всякой всячине, постепенно выводя его на тему Сибири и глубже – тему жизни и смерти) заставляет вспомнить уже упоминавшийся рассказ Шукшина "Демагоги". Другую пару шишковскому деду составляет главный герой рассказа – Ванька Хлюст. Их диалог перекликается со спором шукшинского старика и парня Ивана в рассказе "В профиль и анфас", спором о смысле жизни: в том ли этот смысл, чтобы только "работать, да детей рожать", поднятый Шукшиным и в рассказе "Дядя Ермолай". Причем нравственно-философские сентенции шукшинских героев звучат почти реминисценциями рассказа Шишкова; ср. у Шишкова:

«Землю зря топтать ежели, в том моего согласия нету! Понял?... – У Ваньки корявое лицо укоризной покрылось: – Брюхо тут ни при чем, ежели душа просится на волю".

и у Шукшина:

"А я не знаю, для чего я работаю. Ты понял?.. Вроде нанялся, работаю. Но спроси: "Для чего?" – не знаю. Неужели только нажраться? Ну, нажрался...А дальше что? – Иван серьезно спрашивал, ждал, что старик скажет. - Что дальше-то? Душа все одно вялая какая-то..."

Маята души шишковского Ваньки прямо ведет к другому рассказу Шукшина "Верую!", герои которого "отказываются понимать свое пребывание здесь, на земле", если им не дано познать смысл этого "пребывания". Максим Яриков, как и Ванька Хлюст, открывает в себе реальность "души", потому что она "болит", "пищит" под тяжестью навалившихся вопросов и сомнений:

Шишков: «Душа? – вскрикнул Ванька, – вот то-то и дело, что душа... Дык чижалехонько ведь... Сам не рад, поди... Душа во мне запищала... Сумленье к самому сердцу подкатилось... Гложет... дыхнуть не дает. Хошь стой, хошь падай... Прямо край! Бог-то где же?... Скажи мне, по чистой

совести, скажи мне, дед, веришь ты в бога?... Если веришь, стало быть, бог есть, по-твоему?"

Шукшин: «Но у человека есть также – душа! Вот она здесь,— болит, – Максим показывал на грудь. – Я же не выдумываю! Я элементарно чувствую – болит... Я пришел узнать: у верующих душа болит или нет?...Значит, если я тебя правильно понял, бога нет?» («Верую!») .

Вопрос о Боге у Шишкова и у Шукшина, по сути, разрешается вопреки церковно-христианским догматам, обнаруживая воспринятый и тем, и другим писателем сибирский, внецерковный взгляд на эту проблему:

«Алтайцы – богу не молятся, у них дворы скотом ломаются. А наш русак, хоша просит вышнего, кола нет лишнего: кругом бегом... Это у нас в тайге така присказка. А я тебе, сударик, вот что скажу: бога я завсегда в сердце имею. И тебе советую. Понял?.. Вот что, мила-а-й...»("Ванька Хлюст").

«Теперь я скажу, что бог есть. Имя ему – Жизнь. В этого бога я верую. Это – суровый, могучий Бог.... Верь в Жизнь» («Верую!»).

И попы у Шишкова и Шукшина исповедуют более мирскую, нежели клерикальную жизненную позицию. "Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо", – провозглашает "интересный" поп в рассказе "Верую!", следуя шишковскому попу, который и водку пьет, и бабу в кошевке в буранную ночь на тройке катает, и тех, "кто слаб в коленках", не уважает.

Душевное беспокойство героя рассказа В. Шишкова «Ванька Хлюст» выливается, кроме того, в странное стремление принять страдание за некие неведомые грехи:

"Да какой у тебя грех-то? Какие у нас с тобой могут быть грехи? Ну-ка..." – урезонивает Ваньку дед. – "У меня, дед, грехов сорок мешков".

В рассказе Шукшина Максим Яриков тоже "пьяный начинал вдруг каяться в таких мерзких грехах, от которых и людям, и себе потом становилось нехорошо" («Верую»). Этот мотив покаяния в несовершенных грехах заставляет вспомнить еще рассказ Шукшина "Миль пардон, мадам!" Хорошо узнаваема в нем сцена шишковского рассказа в пейзаже: ночь, река, тайга, потухающий костер - и особенно в психологической разработке характера героя:

"Бронька весь напрягся, голос его рвется, то срывается на свистящий шепот, то неприятно, мучительно взвизгивает. Он говорит неровно, часто останавливается, рвет себя на полуслове, глотает слюну... – Я стрелил... – Бронька роняет голову на грудь, долго молча плачет, оскалился, скрипит здоровыми зубами, мотает безутешно головой. ... И опять тихо, очень тихо, с ужасом говорит: - Я промахнулся" ("Миль пардон, мадам!").

Ср. у Шишкова:

"...Плечи вдруг ходуном заходили, затряслась голова... (Ванька) начинает, уже не сдерживаясь, выть чужим голосом, сплевывая сердито и ляская по-волчьи зубами. И во тьме чуть слышно: "Покаяться я тебе должен, как перед богом... видно, капут пришел мне, не совладать... Попа-то, помнишь?.. Ведь я спалил... И Дунюшку-то... Дунюшку-то ведь... я... порешил... Ву-у-у! Ухухуху... Прости-и, Христом прошу".

Дед кряхтит, ворочается с боку на бок: "Ты не убивец, Ванька... И пошто ты, например, таку неправду на себя примал?" - Ванька Хлюст точно тьму рубит: "Душа требует".

Эта странная, почти абсурдная потребность души героев двух разных писателей понятна и логична в пространстве ссыльно-каторжной Сибири, где и невинный чувствует себя причастным к всеобщей и неизбывной русской вине. На сибирское происхождение виноватости безвинных недвусмысленно указывает герой Шукшина Максим Яриков, который просит "вести его под конвоем в Магадан. Причем он хотел идти туда непременно босиком", чтобы принять на себя, по-видимому, всю меру страданий безвинных жертв и царской, и советской властей.

В то же время странные фантазии "тайжан" Шишкова, как и "чудиков" Шукшина являются выражением свободы воли, свободы выбора пути, обыкновенного и альтернативного, ценою ли подвига или преступления разрешающего проблему соизмеримости могучих необъятных сил сибирской природы и малости человеческого существования, ограниченного заботой о хлебе насущном. Такое мироощущение, обусловленное безмерными ничейными пространствами Сибири, в которых сибиряк, в отличие от русского европейца, может почувствовать себя и устроиться самовластным хозяином, — общее место в характерологии героев и Шишкова, и Шукшина. У Шишкова в рассказе «Таёжный волк»:

"Я над всем этим краем властитель. Не в похвальбу, а так оно и есть. ...Да пусть скажут мне короли земные, вельможные правители: "Бакланов, владей всем нашим богатством, дворцами, городами, пей, гуляй, писаных красавиц хоровадь, спускайся с гор, иди к нам, властвуй!" - Нет, - скажу я, - нет...околдовала меня мать-природа, угрела, осветила солнцем, обвеяла белыми туманами: эдесь родилась новая моя душа, некуда отсель идти и незачем.... Просторы вы мои, просторы..."

У Шукшина:

"Моня мысленно вообразил вдруг огромный простор своей родины, России, - как бесконечную равнину, и увидел себя на той равнине - идет спокойно по дороге, руки в карманах, поглядывает вокруг..." ("Упорный").

"Покой и воля" как тайный закон нетронутой природы определили последний исход судьбы героя "с загогулиной" в рассказе Шишкова "Ванька Хлюст". Родился он "приблудышем", а был красивый, кудрявый, баянист, песенник: "Рос я не как все другие прочие, законные которые, а так... Ну и озорным же я парнишкой был, надо правду сказать... Первостепенным пакостником меня считали, по всей округе наслыхах был... И никакой во мне жалости не было к человеку".

Шишковский "приблудыш", красавец-"пакостник", потерявший границу между добром и злом, в самую отчаянную свою минуту распахивается большой душой навстречу естеству и красоте природы, находит в ней согласие с миром и самим собой: "Пошел я прямо в тайгу. Пришел, пал на колени, реву... Гляжу: бурундучишка стоит у кедра на задних лапках, смотрит на меня глазенками, а сам насвистывает... Э-эх! И вдруг не стало во мне, дедушка, ни

печали, ничего земного прочего" . Но этот обретенный Ванькой покой души означает для него не только примирение с жизнью, но и со смертью. Ванька Хлюст неоднократно пытается покончить с собой и в конце концов осуществляет свое намерение, осознав вполне всю никчемность собственного существования. Тот же исход дает Шукшин своему Спирьке Расторгуеву в рассказе "Сураз" – красивому, "как Байрон", "приблудышу"-пакостнику, которому "собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишённой смысла". Как и Ванька Хлюст, в своем отчаянье Спирька "свернул с дороги в лес, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек. "Вот где стреляться-то, – вдруг подумал он спокойно". Как и Ванька Хлюст, Спирька уже пытался застрелиться на кладбище. Но для Шукшина, как и для Шишкова, было важно привести "заблудившуюся" душу человека с его "загогулиной" – ложным и мстительным сознанием своей социальной "незаконности" – к простой и высшей истине естественного равенства и единства всех и вся в сотворенном Богом прекрасном мире: "Красиво было, правда. Только Спирька специально не разглядывал эту красоту, а как-то сразу всю понял ее... И сидел. Склонился, сорвал травинку, закусил ее в зубах и стал слушать птиц. Маленькие хозяева лесные посвистывали (Ср. у Шишкова: бурундучок посвистывает), попискивали, чирикали где-то в кустах". Герои Шишкова и Шукшина как будто не прерывают насильно свою жизнь, а обретают вечный покой, соединяясь со стихией природы. Ванька Хлюст как бы исчезает, растворяется в таежной ночи. Мертвый Спирька "лежал уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружье лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял? Попал в сердце, а лежал лицом вниз", – словно не сам убил себя, а земля приняла его.

Таким образом, даже те немногие и только намеченные связи прозы Шукшина с творчеством В. Шишкова позволяют говорить о глубокой преемственности современного писателя в разработке проблемы русского человека в Сибири.

Примечания.

---

¹ Последний библиографический указатель "В. М. Шукшин" (1994) отметил лишь одну научную публикацию, связывающую имя Шукшина с Шишковым: статья саратовского автора Т. И. Дроновой "К вопросу о традициях советской исторической романистики: ("Я пришел дать вам волю" В. М. Шукшина и "Емельян Пугачев" В. Я. Шишкова)"(1986). Название и объем статьи говорят только о постановке вопроса, а не о его решении.

² Шукшин В. М. Рассказы / Сост. и коммент. В. Горна. - Барнаул. Алт. кн. изд. 1989. С. 214. Далее тексты Шукшина цитируются по этому изданию.

³ Шишков В. Я. Чуйские были. Роман, очерки, рассказы. Барнаул, Алт.кн.изд., 1986.С. 383. Далее тексты В. Шишкова цитируются по данному изданию

⁴ Шукшин В. М. Любавины: Роман. Сельские жители: ранние рассказы / Сост. и коммент. В. Горна. - Барнаул, Алт. кн. изд., 1987. С. 326.